

*Ф.А. Некрашевич**Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь*

БОРЬБА С ЧЛЕНОВРЕДИТЕЛЬСТВОМ КАК СПОСОБОМ УКЛОНЕНИЯ ОТ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1757–1874 ГГ.)

Членовредительство являлось одним из инструментов уклонения от военной службы в армии Российской империи. В данной статье рассматриваются мероприятия правительства по борьбе с членовредительством в 1757–1874 гг. среди лиц, состоявших на рекрутской очереди. Кроме того, рассматривается вопрос привлечения членовредителей к военной службе в российской императорской армии.

Российская империя, армия, рекрутская повинность, членовредительство, наказание.

Уклонение от службы в вооруженных силах всегда являлось серьезной проблемой для государства. В Российской империи, где армия до 1874 г. комплектовалась за счет рекрутской повинности, эта проблема была вдвойне актуальна. Огромные сроки службы, доходившие до 20 лет, вызывали нежелание подданных вступать в ряды вооруженных сил. Одним из популярных способов избежать рекрутчины было мышленное членовредительство.

Целью данной статьи является выявление основных подходов в политике российского правительства по борьбе с членовредительством среди лиц, состоявших на рекрутской очереди. Нижняя граница хронологических рамок исследования обусловлена введением в Российской империи в 1757 г. «Генерального учреждения о ежегодном сборе рекрут» 1757 г. (далее – Генеральное учреждение 1757 г.). Верхняя граница связана с окончательной отменой в 1874 г. рекрутской повинности и последовавшими в связи с этим изменениями системы комплектования.

Исследование построено на анализе российского законодательства, посвященного борьбе с членовредительством. Для выявления типичных травм, которые наносили себе уклонисты от военной службы, в статье использованы делопроизводственные материалы фонда Витебского гражданского губернатора Национального исторического архива Беларуси.

На протяжении рассматриваемого периода значение термина «членовредительство» менялось. Так, «Высочайше утвержденный устав рекрутский» 1831 г. (далее – Устав 1831 г.) определял членовредителей как «людей, которые, подлежа рекрутской повинности и быв во всем годны к военной службе, причинили себе увечье во избежание оной» [5, т. 6, № 4677]. «Свод Военных Постановлений 1869 г.» определял членовредительство как «умышленное причинение себе, непосредственно или через другое лицо, с целью уклонения от службы, увечья, или растравления своих ран, или же иного важного повреждения своему здоровью» [6, с. 30].

Следует отметить, что членовредительство являлось далеко не единственным способом уклонения от

рекрутчины. К другим распространенным способам можно отнести: бегство с места официальной прописки, искусственное разделение семейств с большим числом молодых мужчин на несколько небольших семейств, приписка к малым семействам «мертвых душ», а также подкуп медицинских чиновников.

Очевидно, что большинство из перечисленных способов были сопряжены с коррупцией, а значит, со значительными денежными расходами. Для бедных членов общины были доступны лишь два варианта: бегство и членовредительство. Бегство с места официальной прописки автоматически создавало уклонисту проблемы перед законом и местной общиной. Оно помогало лишь отсрочить поступление на военную службу. Членовредительство давало определенную надежду избежать рекрутчины и вести полноценную жизнь в качестве члена местной общины. В связи с этим перед членовредителем стояли две основные задачи. Во-первых, нанести себе травму, несовместимую с несением службы, но при этом не превращающую мужчину в калеку. Во-вторых, сделать все возможное, чтобы местная община и представители властей поверили в непреднамеренный характер травмы.

О типичных травмах, которые наносили себе членовредители, можно судить по материалам следственных дел нижних земских судов Витебской губ. Во-первых, это ампутация указательного пальца. Подобную травму в апреле 1828 г. нанес себе крестьянин Полоцкого уезда Демьян Яронкович, а в декабре 1833 г. – крестьянин Лепельского уезда Дмитрий Шилак [2, л. 12; 1, л. 14]. Подобным образом членовредители делались непригодными для стрельбы из огнестрельного оружия. Иной распространенной травмой было удаление передних зубов. Подобную травму в августе 1828 г. нанес себе крестьянин Динабургского уезда Иван Лавринович, выбивший себе несколько передних зубов нижней челюсти [2, л. 23]. В свою очередь крестьянин Лепельского уезда Нестор Кухта выбил себе в марте 1834 г. четыре передних зуба нижней челюсти [3, л. 15]. Количество выбитых зубов определялось требованиями Устава 1831 г. и состоянием

здоровья членовредителя. Устав 1831 г. гласил, что от рекрутской повинности освобождаются лица, у которых отсутствует 8 зубов обеих челюстей или же 6 зубов одной челюсти. Если лицо, желавшее уклониться от рекрутчины, уже было лишено нескольких зубов, то оставалось выбить себе ровно столько, сколько того требовали положения Устава 1831 г. [5, т. 6, № 4677, прил. VI]. Существовали и другие варианты нанесения себе травмы, несовместимой со службой (например, перелом конечностей), но они сопровождались большими рисками утраты способности к полноценному физическому труду.

Меры российского правительства по борьбе с членовредительством являлись одним из элементов политики по организации и проведению рекрутских наборов. Ключевым отличием рекрутчины от современной воинской повинности являлась основа правовых отношений, на которой эта политика строилась. Всеобщая воинская повинность является ярким примером правовых отношений между государством и индивидом, так как защита государства – это долг и обязанность гражданина. В случае с рекрутской повинностью сторонами правовых отношений выступали государство и локальные общины (далее – общины) податных слоев населения (например, сельские общины, еврейские кагалы, общины мещан христианского вероисповедания и т.д.). Государство на законодательном уровне устанавливало общие правила, которые определяли порядок выбора рекрутов, наказания уклонистов и т.д. Ответственность за поставку рекрутов нес не только подданный, но и сами общины. В связи с этим и санкции государство накладывало на провинившегося подданного и на общину. Такой характер правовых взаимоотношений определял непоследовательность и разнообразие наказаний за умышленное членовредительство.

Массовое членовредительство представляло собой действительно серьезную угрозу. Страна теряла не только солдат, но и рабочие руки в ключевых сферах экономики, поэтому правительство стремилось сделать все возможное для предотвращения членовредительства. Данная проблема имела комплексный характер, поэтому в принимаемых законах власти стремились ответить на ряд ключевых вопросов.

Во-первых, как нужно наказывать членовредителей и членов их семей? По мнению властей, жестокость наказания должна была играть профилактическую роль. Страх получить телесное наказание и быть отправленным в ссылку должен был сдерживать совершение преступлений. Законодатель придерживался мнения, что членовредители действовали не в одиночку, а с одобрения и при поддержке членов своих семей, не желавших терять близкого человека. В связи с этим перед местными властями ставилась задача установления степени причастности родственников к уклонению от военной службы.

Во-вторых, взывать ли штрафных рекрутов с общин, где были выявлены факты членовредительства? В качестве штрафа за членовредительство правительство порой принуждало общины отдавать в рекруты еще одного мужчину. Тем самым на многолетнюю службу мог быть отправлен человек, совершенно не причастный к преступлению, совершенному другим

членом общины. К подобной жесткой политике российские власти прибегали далеко не всегда и при определенных обстоятельствах.

В-третьих, направлять ли членовредителей на службу в вооруженные силы? Несмотря на то что российской армии требовались физически здоровые новобранцы, членовредители нередко направлялись на службу. Неотвратимость военной службы должна была внушить уклонистам, что причинение себе телесных повреждений не принесет желаемого результата. В российской армии существовала масса нестроевых должностей (денщики, писари, мастерские и т.д.), которые могли занимать военнослужащие с физическими недостатками. Вопрос заключался лишь в том, насколько военному командованию были необходимы такие новобранцы.

В-четвертых, нужно ли делать исключения из правил для отдельных групп населения? Законы, определявшие правила несения рекрутской повинности, имели исключения для различных социальных групп. Это было связано с разной подчиненностью представителей податных групп населения. Например, правительство имело полную власть над казенными крестьянами. В то же время исполнение рекрутчины помещичьи крестьянами регламентировалось не только государством, но и самими помещиками. Кроме того, правительство придерживалось мнения, что некоторые социальные группы более склонны к уклонению от рекрутчины, поэтому в их отношении требуется применение дополнительных мер. Например, такая политика проводилась в отношении евреев.

В действиях российских властей по борьбе с членовредительством в рассматриваемый период можно условно выделить ряд этапов:

1) содержание первого этапа (1757–1804 гг.) определялось положениями Генерального учреждения 1757 г.;

2) для второго этапа (1804–1831 гг.) характерно ужесточение наказаний за членовредительство;

3) на протяжении третьего этапа (1831–1855 гг.) происходит реализация положений Устава 1831 г., а также проведение жесткой политики в отношении еврейской диаспоры;

4) наконец, для заключительного этапа (1855–1874 гг.) характерен постепенный отказ от коллективной ответственности за членовредительство.

На протяжении первого периода российские власти в делах о членовредителях руководствовались п. 6 гл. 3 Генерального учреждения 1757 г. Данный документ предусматривал ряд санкций за умышленное членовредительство. Если нанесенная травма признавалась совместимой с несением службы, виновный назначался на службу в строевые подразделения или в извозчики (в зависимости от характера полученного увечья). Кроме того, он подвергался телесному наказанию шпицрутенами через строй в 500 чел. 3 раза. Если же членовредитель оказывался негодным к поступлению в рекруты, он подвергался телесному наказанию плетью «нещадно» и навсегда направлялся в крепостные работы. В обоих случаях членовредитель не засчитывался обществу за взятого рекрута [4, т. 14, № 10.786].

Тем не менее, подобная практика не привела к искоренению членовредительства как явления. Напро-

тив, армия пополнялась рекрутами с серьезными физическими недостатками. Все это способствовало разложению дисциплины в войсках. В связи с этим 18 февраля 1798 г. последовало решение сената Российской империи о прекращении приема в рекруты членовредителей. Вместо них общества должны были поставить здоровых новобранцев. При этом помещики сохраняли за собой право отправить членовредителей на поселение (в случае годности к военной службе) или каторжную работу (если к военной службе совсем не годны) [4, т. 25, № 18.388]. В обоих случаях членовредитель шел в зачет будущего рекрутского набора.

Как мы видим, правительство сделало существенные уступки по сравнению с Генеральным учреждением 1757 г., но подобная политика проводилась недолго. Уже 7 сентября 1804 г. вышел именной, данный сенату указ, ужесточивший наказание в отношении членовредителей из казенных крестьян. В семьях членовредителей следовало брать на службу не только самого уклониста, но и еще одного мужчину. В случае негодности к строевой службе оба члена семейства направлялись в нестроевые подразделения. Если же они были вообще негодны к военной службе, то их ждали крепостные работы. При этом второй член семейства не засчитывался общине за рекрута (Там же, т. 28, № 21.442). Этот указ ужесточал ответственность за членовредительство на трех уровнях: индивидуальном (принудительная отправка на службу), семейном (потеря второго члена семьи), общинном (потеря плательщика податей). В 1808 г. сила указа была распространена на мещан, а в 1809 г. – на все социальные группы, несущие рекрутскую повинность (Там же, т. 30, № 23.286, 23.758).

Уже в мае 1810 г. указ 1804 г. был отменен, а местным властям в делах о членовредителях было рекомендовано действовать в соответствии с указом от 18 февраля 1798 г. (Там же, т. 31, № 24.251). К сожалению, в законе не было разъяснены причины столько резких перемен. На это могла повлиять как позиция военного командования, недовольного массовым поступлением на службу деструктивных элементов, так и позиция гражданских властей, недовольных принудительным набором штрафных рекрутов.

Метания российского законодательства на этом не закончились. Ухудшение внешнеполитической обстановки в 1812 г. вынудило правительство вновь ужесточить свою политику. Согласно утвержденному императором мнению государственного совета от 4 марта 1812 г., с членовредителями из помещичьих крестьян следовало поступать в соответствии с Генеральным учреждением 1757 г. В отношении казенных крестьян была возвращена практика отправки на службу членовредителя и члена его семьи с зачетом обществу лишь одного рекрута. В случае негодности к военной службе рекруты направлялись в крепостные работы. В указе подчеркивалось, что семья членовредителя может избежать отправки на службу второго рекрута, если своевременно известит местные власти о том, что в их семье есть уклонист. В этом случае подобные семьи подвергались такому же наказанию, что и помещичьи крестьяне (Там же, т. 32, № 25.021). Здесь мы впервые видим стремление российского законодателя принудить подданных к выда-

че членовредителей в обмен на отмену взыскания штрафного рекрута. Впоследствии подобная практика будет продолжаться.

Улучшение внешнеполитической ситуации в 1815 г. вследствие окончательного поражения Наполеон Бонапарта привело к очередному витку либерализации политики в отношении членовредителей. Согласно сенатскому указу от 12 мая 1815 г., на членовредителей были распространены положения Манифеста 30 августа 1814 г. Тем самым семейства членовредителей освобождались от отдачи на военную службу второго рекрута, а наказание распространялось лишь на самого членовредителя. Вслед за этим сенатский указ 5 ноября 1815 г. уточнял, что за членовредителей необходимо считать лишь тех лиц, которые до нанесения себе увечья были годны к военной службе [4, т. 33, № 25.981]. Многие представители податных сословий, не зная толком ни о законодательных нормах, ни о состоянии своего здоровья, наносили себе травмы, даже не представляя, что они и так не годны к военной службе. Согласно данному указу, эти лица освобождались от ответственности.

Изменения в российской политике по отношению к членовредителям на этом не закончились. Уже в мае 1817 г. вновь вступил в силу указ от 4 марта 1812 г. о штрафных рекрутах в отношении казенных крестьян и действии Генерального учреждения 1757 г. в отношении помещичьих крестьян (Там же, т. 34, № 26.899). В 1827 г. политика правительства была вновь унифицирована – теперь со всеми членовредителями следовало поступать на основе «Генерального учреждения 1757 г.» [5, т. 2, № 1502].

Новый этап в истории борьбы российского правительства с членовредительством связан с принятием Устава 1831 г. В этом документе законодатель попытался решить проблемы, возникавшие в предыдущие годы при борьбе с членовредительством.

Во-первых, была сделана попытка регламентировать механизм доказательства факта совершения умышленного причинения лицом телесных повреждений с целью избежания рекрутства. Подданный, получивший неумышленное повреждение и состоящий на рекрутской очереди, должен был в течение трех дней заявить об этом руководству общины (мещанин или казенный крестьянин) или помещику (помещичий крестьянин). Затем общине (или помещику) давалось семь дней на рассмотрение этой ситуации. Если они считали, что на лицо факт умышленного членовредительства, то в установленные сроки необходимо было обратиться в полицию. Затем местные органы власти должны были установить, имело ли место умышленное членовредительство на самом деле. Если же заявление не было направлено в установленные сроки, то следствие не проводилось (Там же, т. 6, № 4677). Логика законодателя заключалась в том, что после истечения 10 дней с момента получения травмы установить все обстоятельства ее получения не представлялось возможным. В связи с этим местные власти требовали от помещиков и общин неукоснительного соблюдения указанных сроков (Там же, т. 20, № 18746). Тем самым государство создало условия, при которых общины и помещики были сами заинтересованы в выявлении фактов умышленного членовредительства.

Во-вторых, Устав 1831 г. отменял коллективное наказание за членовредительство и устанавливал индивидуальную ответственность. Признанного виновным ждала публичная порка плетью и отправка в арестантские роты (в случае годности к службе) или в Сибирь на поселение (в случае негодности к службе). Если виновный до нанесения себе увечий признавался годным к военной службе, то он шел в зачет общине за рекрута. Устав 1831 г. (с изменениями и дополнениями 1834 г.) в отношении лиц, содействовавших членовредителю в нанесении увечий, устанавливал лишь телесное наказание [5, т. 9, № 7536].

В-третьих, в Уставе 1831 г. значительное внимание было уделено медицинскому обоснованию преднамеренного членовредительства. В документе содержались развернутые приложения для отдатчиков с описанием болезней и телесных недостатков, с которыми был запрещен прием в рекруты, а также «наставление для медицинских чиновников в рекрутские присутствия к приему рекрут отряжаемым». Это должно было максимально упорядочить деятельность чиновников и избежать разночтений.

Время показало, что эти нововведения оказались эффективны. На протяжении следующих четырех десятилетий политика российского правительства в этом вопросе подвергалась лишь некоторым корректировкам. Так, в 1839 г. было внесено дополнение, согласно которому несовершеннолетних членовредителей следовало отдавать на службу в батальоны военных кантонистов (Там же, т. 12, № 10.308). В 1851 г. членовредителям было запрещено возвращаться на родину после отбытия наказания в арестантских ротах, так как их ждала либо служба в армии, либо ссылка на поселение в Сибирь (Там же, т. 26, № 25.291). Наконец, в 1852 г. было принято решение об отправке годных по здоровью членовредителей на военную службу на строевые и нестроевые должности (Там же, т. 27, № 26.356).

На наш взгляд, главным достижением Устава 1831 г. являлся отказ от варварской практики коллективной ответственности за членовредительство. Сам факт подобной практики, а также отсутствие четкого механизма доказывания вины неминуемо порождали страх и озлобленность среди семейств, состоявших на рекрутской очереди. Четкое понимание того, что за членовредительство ответственны только сами уклонисты, должно было повысить доверие населения в его желании сотрудничать с властями при проведении рекрутских наборов.

В Российской империи существовала одна социальная группа, на которую действия статей Устава 1831 г. в отношении членовредителей фактически не распространялись. Рекрутская повинность евреев, которые стали привлекаться к несению военной службы с 1827 г., регулировалась специально созданным для них рекрутским уставом. При выявлении факта членовредительства в отношении евреев применялись § 84–85 устава главы XII «О евреях беглецах». Согласно данному параграфу, членовредитель обращался в военную службу без зачета общине. Кроме того, община должна была заплатить в казну штраф в размере 1000 руб. (Там же, т. 2, № 1330).

Например, стоимость обмундирования одного рекрута в 1831 г. равнялась 33 руб. [5, т. 8, № 6362].

В 1837 г. российские власти отказались от практики наказания евреев длинным рублем. Согласно утвержденному императором мнению государственного совета, при выявлении факта членовредительства семейство преступника должно было поставить еще одного рекрута. Кроме того, в качестве наказания общине вменялся штраф в виде 1/3 рекрута (то есть, общество должно было поставить штрафного рекрута в случае трехкратного выявления фактов членовредительства) (Там же, т. 12, № 10.308). Тем самым в российском законодательстве наблюдались две параллельные тенденции. С одной стороны, в отношении подавляющего большинства подданных власти придерживались взвешенного подхода. С другой стороны, меры, принимаемые в отношении евреев, были даже жестче, чем в начале XIX ст.

Восшествие на престол Александра II знаменует собой начало заключительного этапа в политике российских властей по борьбе с членовредительством. В рамках общего курса правительства по постепенной отмене сословных ограничений и привилегий была пересмотрена политика в отношении евреев. Уже в 1857 г. репрессивный указ 1837 г. был отменен (Там же, т. 32, № 31.425). Отныне политика в отношении членовредителей евреев проводилась в соответствии с Уставом 1831 г.

Таким образом, на протяжении 1757–1874 гг. в действиях российского правительства по борьбе с членовредительством доминировали две противоположные тенденции. Одна из них заключалась в стремлении минимизировать коллективную ответственность за совершение членовредительства, ограничиваясь в основном наказанием в отношении самого преступника. Вторая тенденция заключалась в попытке сделать вину за членовредительство коллективной, принуждая общины пресекать подобные преступления под страхом потерять еще одни рабочие руки. Особенно ярко вторая тенденция проявлялась в отношении евреев, а также в период острой нехватки людских ресурсов для вооруженных сил. С 1831 г. происходит постепенный отказ от коллективной ответственности за совершение членовредительства и смена схемы правовых отношений от «государство – община» к «государство – подданный».

Источники и литература

1. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 1430. Оп. 1. № 4628. Дело о членовредительстве крестьянина Лепельского уезда Шилака во избежание рекрутской повинности. 03.02.1834 – 08.04.1834. – 23 л.
2. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. № 1171. Дело о рассмотрении нижними земскими судами следственных дел о членовредительстве во избежание рекрутства. 25.01.1828. – 26.01.1829. – 74 л.
3. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. № 4868. Дело о высылке в Сибирь крестьян помещика Хребтовича Ганкевича и Кухту за членовредительство во избежание рекрутства. 01.06.1834 – 22.01.1838. – 22 л.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1 : с 1649 по 12 дек. 1825 г. : в 45 т. – Санкт-Петербург : Тип. II отд-ния собств. Е. и. вел. канцелярии, 1830–1851. – 45 т.

5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2 : с 12 дек. 1825 по 28 февр. 1881 г. : в 55 т. – Санкт-Петербург : Тип. II отд-ния собств. Е. и. вел. канцелярии, 1830–1884. – 55 т.

6. Свод Военных Постановлений 1869 г. [Текст] : [в 6 ч.] : 1900 г. – Санкт-Петербург : Тип. 2-го Отделения Собственной е.и.в. канцелярии, 1879–1912. – [Ч. 6]. – 1900. – 312, с.

P.A. Nekrashevich

**THE FIGHT AGAINST SELF-MUTILATION, A WAY OF EVASION OF MILITARY SERVICE
IN THE RUSSIAN EMPIRE (1757–1874)**

Self-mutilation was one of the ways to evade military service in the army of the Russian Empire. The article discusses the measures of the government to suppress self-mutilation in 1757–1874 among those who were to be recruited. In addition, the issue of recruiting self-mutilators into the Russian Imperial Army is considered.

Russian Empire, armed forces, recruitment, self-mutilation, punishment.